

Глава 1

На кровати лежал светловолосый парень, которому на вид нельзя было дать и пятнадцати. Худощавый, щуплый, с округлым лицом, только начавшим обретать юношескую угловатость, он, между тем, спал не один. Рядом, подбив под голову пуховую подушку и смяв покрывало так, что прикрывало оно исключительно живот и грудь, спала обнажённая девушка постарше, на лице которой застыла безмятежная улыбка. И эта картина не подразумевала бы двоякой трактовки, если бы парень был столь же расслаблен, как и его партнёрша. Но его лицо то и дело искажалось мукой, а руки нет-нет да сжимали судорожно простыни, как будто пытаясь разорвать мягкую ткань. Согласитесь, это вовсе не то состояние, в котором должен пребывать думающий только об одном подросток, оказавшись в постели с красавицей.

Тем временем поднявшееся над горизонтом солнце продолжало своё победоносное шествие, и жаркие лучи медленно, но верно приближались к лицу юноши, грозя мягко его разбудить уже в ближайшие минуты... Но спокойному пробуждению случиться было не суждено: порыв ветра распахнул незапертое окно и с силой ударил створкой о массивный дубовый шкаф. Парень, и без того не ведавший покоя, от грохота подскочил на своём месте, принял какую-то крайне нелепую позу и, не удержав равновесия, плашмя рухнул с кровати, хорошо приложившись затылком о деревянный пол.

— Ох... Ку-да... ме-ня?

Его взгляд скользнул по кровати, шкафу, затем перекинулся на окно и остановился на заваленном книгами

вперемешку со всяким хламом столе. По испытывающему небывалое потрясение сознанию прокатилась волна боли, а следом пришли они. Воспоминания.

...Меж древних развалин быстро и ловко перемещался облачённый в тёмных оттенков робу немолодой мужчина, которому не доставляли неудобств ни давным-давно скрывшееся за горизонтом светило, ни шныряющие вокруг демонические звери. Он, Элин Нойр, анимус абсолютного ранга и просто опытный путешественник, уже несколько десятков лет не обращал внимания на подобные мелочи, а сейчас его не проняло бы и появление очередной орды, возглавляемой разумными монстрами.

Всё это потому, что главная цель всей его жизни оказалась как никогда близко. Протяни руку — и заведи своё по праву. Но Элин не был бы Элином, если бы сейчас обошлось без неожиданностей. Петля меж руин зданий, анимус выскочил на просторный, практически пустой участок, в центре которого сиротливо росло старое дерево. Это могла бы быть вполне обычная картина для уничтоженных в глубокой древности городов, если бы на одной из ветвей не был подвешен труп недавно убитого демонического зверя, а вокруг не были бы поставлены палатки, рядом с которыми лежали брошенные инструменты.

Кирки, лопаты, пара десятков дрянных копий. Анимус без какого-либо труда определил в отсутствующих незнакомцах, разбивших лагерь, искателей сокровищ. Людей, что не брезговали пировать на чужом горе, грабя подземелья, некогда ставшие последним пристанищем сотен тысяч женщин, детей и стариков.

Элин поморщился и, отступив с лунного света в ближайшую тень, вынул из нагрудных карманов истощившиеся пластины, на которых всё ещё можно было разглядеть напитанные анимой, а потому сияющие руны. Разрушенные города даже на поверхности спустя тысячи лет кишели тьмой, болью и страданиями, способными лишить рассудка даже самых стойких и крепких представителей челове-

чества. Элин не относил себя ни к первым, ни ко вторым и потому предпочитал принимать определённые меры предосторожности. Вот и сейчас из-под его рук вышли новые талисманы, сменившие на боевом посту свои более слабые аналоги. Анимус планировал спускаться вниз, туда, где концентрация негативных эмоций достигала своего пика. Ведь где, если не в подземелье, прятать тех, кто не способен держать в руках оружие?

Закончив с первым этапом своей подготовки, Элин приблизился к дереву, окинул взглядом иссечённый мечами труп монстра и голой рукой перебил цепи, позволив туше рухнуть на землю, подняв в воздух ворох брызг. Несколько капель попали на одежду анимуса, но он проигнорировал этот факт, целиком сосредоточившись на рунах, что одна за одной вспыхивали на шкуре демона.

В какой-то момент белоснежное сияние достигло своего пика, в воздухе запахло жжёным мясом, а мгновением позже обескровленный, покрытый уродливыми пятнами тёмный волк, демонический зверь платинового ранга, твёрдо встал на лапы, склонив голову перед своим новым господином.

— Дух отмщения, убей тех, кто лишил тебя жизни! Именем своим я дарую тебе право!

Зверь молнией сорвался с места и скрылся в одной из относительно целых построек, тем самым показав Элину, где находится вход. Одним выстрелом анимус убил двух зайцев: и обрёк незваных конкурентов на ужасную смерть, и сэкономил время, которое неизменно потратил бы на осмотр близлежащих зданий.

У тех, кто смог с таким трудом, искромсав ему всю шкуру, расправиться с демоном-одиночкой, не было ни шанса против духа отмщения, впитавшего в себя часть силы абсолюта.

Тем временем Элин приблизился ко входу в подземелье, окинул скромных размеров лестницу и остановил свой выбор на наиболее компактном из порабощённых им духов.

— Дюрас, мне нужна твоя сила.

Задрожал воздух, взвыл ветер, а над руинами закружились чудовищные объёмы анимы. Без пререканий и промедлений демонический зверь абсолютного ранга, заточённый в душе Элина, насытил тело анимуса своей мощью, вызвав в облике человека множество заметных изменений. Бордовая, отливающая металлом панцирная броня, массивный хвост, увенчанный острейшим шипом, приплюснутая и вытянутая морда с клыкастой пастью — таким был облик Элина, слившегося с Дюрасом, Пещерным ящером, демоническим зверем абсолютного, наивысшего ранга. И пусть среди прочих абсолютных чудовищ он был далеко не самым могущественным, размеры сейчас были много критичнее ударной мощи. А габариты Элина после слияния практически не изменились.

Выждав какое-то время ради собственного спокойствия, Элин достал из перстня-хранилища покрытый рунами факел, создал на кончике пальца искру, и языки пламени объяли пропитанную горючим составом ткань. И если снаружи этот свет ему ничем помочь не мог, то после того, как анимус спустился вниз и оказался в длинном коридоре, ситуация в корне изменилась. Здесь не было приятно охлаждающего кожу сияния луны, лишь поглощающая всякий свет мёртвая тьма, разогнать которую обычный огонь был не в силах, но артефактный факел справлялся неплохо.

Взгляд анимуса заскользил по стенам, испещрённым рисунками и письменами, которые, казалось, жадное до чужих жизней время обошло стороной, до того хорошо они сохранились. Сюжеты, здесь изображённые, несколько не отличались от тех, что Элин встречал ранее. Великое строительство, войны, нашествия орд демонических зверей, падение городов и их возрождение...

Древние славились не столько силой и числом, сколько своими знаниями. Многие науки они забрали с собой после того, как раскинувшаяся на весь материк Империя Аану пала под натиском самых первых орд, пришедших, как известно, из других измерений. Создание неживых слуг из кости, дерева или металла, приготовление диковинных

алхимических составов, изготовление могучего оружия — всё это кануло в Лету чуть больше пяти тысяч лет назад.

Для человечества случившееся было настоящей, подлинной катастрофой, но люди, по-настоящему неубиваемые твари, выжили. Первое падение из многих, первый крах, после которого предки с трудом, но оправились и встали на ноги, вспоминая старые таинства и осваивая совершенно новые науки. Ведь независимо от того, сколь ужасными являлись последствия, человечество всегда возрождалось, становясь ещё совершеннее.

Первый труп с оторванной головой Элин обнаружил всего спустя пять минут — незнакомцы не забыли выставить караул, что разительно отличало их от всех прочих групп. Да, всего лишь воин медного ранга, но от подавляющего большинства прочих людей, промысляющих разграблением руин, сложно было ожидать и этой малости.

Где-то вдаль раздался протяжный крик, а следом за ним — торжествующий вой начавшего жатву духа. Как Элин и предполагал, дать волку отпор бандиты оказались не в состоянии. Следовательно, можно приступать к поискам.

Сколько сокровищ сокрыто в подземельях таких городов, разрушенных до основания в глубокой древности? Много, очень много. Одному человеку и за всю жизнь не вынести отсюда всех богатств, даже обвешавшись перстнями-хранилищами, словно шлюха — дешёвой бижутерией. Но Элину не нужно было ни золото, ни артефакты. Его интересовала лишь одна вещь, попавшаяся ему в исторических хрониках ещё тридцать девять лет назад. Гримуар.

Тогда Элин разменял уже четвёртый десяток, достиг алмазного ранга и окутал себя славой опытного, сильного анимуса, но ни семьи, ни дома у него так и не появилось. Зато цель, или, если хотите, мечта, у него была. Любой ценой вернуть к жизни отца, мать и друзей — вот чего он хотел. И гримуар мог всё это обеспечить, если, конечно, истории о нём были правдой.

Элин склонился над трупом воина и, сохраняя непроницаемое выражение лица, рассеял когти, зачерпнув

полную ладонь крови мертвеца из выбоины в полу. Руны, начертанные свежей людской кровью, обладали особой крепостью, силой и долговечностью. Достичь их можно было, лишь использовав ценные ингредиенты, достать которые порой было попросту невозможно. Правда, в большинстве городов это искусство было отнесено к тёмным и, соответственно, запрещено, но Элин никогда не гнушался использовать и куда более мерзопакостные ритуалы. Окунув кончики пальцев свободной руки в кровь, анимус приступил к работе, спустя четверть часа завершив страшную в своей простоте руну, занявшую всё доступное на стене пространство.

Поиск — и ничего лишнего. Никаких костылей, никаких уточнений, к каковым прибегали неопытные или слабые анимусы. С тех пор как Элин взял собственный разум под контроль, научившись дополнять руны мысленным посылом, всё это ему стало просто не нужно. Конечно, подобный способ не позволил бы кому-то ещё воспользоваться конструктом, но Элин, узнав о существовании гримуара, быстро избавился от обременительных знакомств. Торговцы да информаторы — вот и все люди, с которыми он мог заговорить.

Спустя секунду анимус приложил руки к холодному камню, опустил веки и начал беззвучно шевелить губами. Одновременно с тем вязь рун пришла в движение, крошечный коридор наполнило алое сияние... и Элин отпрянул, не сумев сдержать рвавшуюся на лицо улыбку. Нечто с уникальным набором свойств действительно находилось неподалёку. Очень, очень близко, буквально в нескольких километрах. Будучи не в силах и дальше сдерживать себя, анимус бросился вперёд.

Лестницы, бесчисленные коридоры и залы, редкие ловушки и хитрые механизмы — всё это было до боли ему знакомо. Еще в пору своей юности он вместе с другими беззащитными горожанами укрывался в одном из главных залов, пока воины и анимусы отражали нападение. Но, несмотря на всю мощь его родного города, несмотря на всю ту храбрость, с которой сражались его защитники, демо-

нические звери фактически сравнивали Китеж с землёй — из более чем трёхсот тысяч человек уцелело всего несколько сотен. Стены, здания, шахты — всё оказалось разрушено, и выжившим только и оставалось, что примкнуть к прибывшим на зов о помощи спасателям.

И он, Элин Нойр, бесполезный наследник павшего клана, был принят в одну из знатных семей Авалона, города, славящегося своим нестандартным подходом к обучению потенциальных анимусов. Стоит ли говорить, что именно там открылся безграничный талант юноши к самым тёмным и страшным искусствам, когда-либо известным человечеству?

Сам того не заметив, Элин оказался в просторной зале, в которой напрочь отсутствовал пол. В кромешной тьме виднелся лишь узкий каменный мост, ведущий к постаменту с покоящейся на нём книгой, да тусклые светильники, что сияли, но не освещали.

В одно мгновение сменив форму на человеческую, Элин быстро приблизился к вожделенному гримуару. Чёрная рельефная кожа, скреплённый толстыми железными скобами корешок, пожелтевшие от времени страницы и невероятная аура, которая может принадлежать только подлинному артефакту Древних. Выдохнув, анимус провёл рукой по поверхности книги — и вздрогнул, так как заметил, что на обложке отпечатались пятна крови, оставшейся на его пальцах. Благо обложка была всего лишь обложкой, и повредить структуре книги это никак не могло. Лёгким движением руки анимус испарил кровь и медленно, наслаждаясь каждой секундой, распахнул гримуар.

«ПЛАТОЙ ЗА ВТОРОЙ ШАНС СТАНЕТ ЖИЗНЬ».

Огромные чёрные буквы. Кажется, будто их намалевал какой-то ребёнок, но испускаемая ими магия сразу выбивала из головы подобные мысли, так как вряд ли на свете можно было бы найти кого-то, способного повторить подобное, даже имея на руках образец. Невероятной сложности рунные чары, выведенные, судя по всему, кровью Небесного Дьявола — разновидности жутких в своей мощи драконидов. Отличительной особенностью этих чернил

была абсолютная невидимость и возможность наносить руны друг на друга, поверх, образуя цепочки и комбинации, повторить которые с использованием иного материала не под силу даже Богу. Собственно, из-за того что кровь эту нельзя ни увидеть, ни почувствовать, Элин и сделал такой вывод. Иначе объяснить невероятную магию, наполняющую гримуар, было невозможно.

— Я, Элин Нойр, готов отдать в качестве платы свою жизнь...

Стоило ему произнести эту фразу, как вырвавшийся из фолианта серый туман окутал его с ног до головы, лишив всякой возможности двигаться. Только сейчас Элин понял, что он сделал: без всякой страховки, без предварительного изучения попавшей в его руки техники, прямо в глубинах содержащего в себе чёрт знает какие опасности подземелья пообещал гримуару свою жизнь в обмен на что-то, о чём он сам имеет лишь самое отдалённое представление, полученное из древних летописей и трудов давно уже погибших анимусов. Глупость! Величайшую глупость он совершил! И, возможно, последнюю в своей наполненной лишь тьмой и страданием жизни...

Попытки вырваться ни к чему не приводили, туман лишь ещё сильнее сжимался, грозясь просто раздавить тело попавшейся в ловушку жертвы. Дюрас не реагировал на приказы, что означало лишь одно — сила гримуара была настолько велика, что он сумел с небывалой лёгкостью отрезать сознание анимуса абсолютного ранга от его демона-зверя.

Конец. Бесславный и ироничный конец. Оборвать тысячи жизней на своём пути к мечте и споткнуться, практически коснувшись её. Последним, что увидел Элин, стало на невероятной скорости вращающееся колесо, больше всего напоминающее колесо обыкновенной телеги: восемь спиц, ось и цельный обод, украшенный причудливой резьбой...

Воспоминания схлынули так же резко, как появились, оставив пытающегося унять заходящееся в бешеном стук

сердце парня наедине с реальным, ужасающе чётким и настоящим миром. Несколько секунд он лежал неподвижно, собирая мысли в кучку и пытаясь понять, в какой именно период жизни его забросило.

Судя по тому, что тело было тренировано довольно скромно, шестнадцать ему ещё не стукнуло. Что касается обстановки... С пола были видны лишь потолок, старый шкаф да часть стола, на котором хранилось всё то, что он первоначально принял за хлам. Заготовки для рунных пластин, по сути, тот же мусор, но в юности Элин не мог себе позволить экспериментировать на дорогом металле, который шёл на производство готовых, проверенных изделий с хорошим спросом.

«Проклятье! Какой, будь он неладен, металл?!»

Элин медленно приподнялся на руках и взглянул на кровать, где лежала уже успевшая оккупировать его место девушка. Стройные бёдра, аккуратная грудь, прекрасные рыжие волосы, лебединая шея, соблазнительные губы вишнёвого оттенка — природа не обделила Алексея красотой... Но видят боги, какая же она на самом деле стерва!

Парень вспомнил этот день. Вспомнил, как только увидел в своей постели беззаботную соблазнительницу. Ему, неспешно поднимающемуся на ноги и испытывающему подвижность старых-новых суставов, казалось, что проверяющий, нацепив гаденькую улыбку, ещё вчера сообщил, что таланта к становлению анимусом у наследника клана Нойр нет. Что, поддавшись горькой обиде, впервые в жизни напился и позволил Алексии, весь предыдущий год приглядывавшейся к месту спутницы наследника клана, воспользоваться ситуацией. Конечно, тогда он считал, что лишь его настойчивость и обаяние позволили затащить одну из самых красивых девушек Китежа в свою постель, но, прожив почти восемьдесят лет, Элин научился отличать искренность от лжи.

Дочь купца не видела себя в паре с кем-то из сословия пониже, а Элин, с которым они были знакомы чуть ли не с детства, казался ей наилучшим проводником к богатству и власти. Нойр, будучи малым кланом Китежа, в глазах

всех бесфамильных обладали несметными богатствами и огромной властью. Это Элин, получив второй шанс, мог сказать, что у его клана не было ничего, чем можно было бы гордиться, потому что теперь Элину было с чем сравнивать. Десятки городов, сотни кланов и фамилий, на фоне которых Нойр выглядели выброшенными на обочину жизни неудачниками... Да что там выглядели... Они ими и были! Сильнейший анимус золотого ранга? Боевая группа в три десятка человек, считая и воинов тоже? Намешка, не иначе.

«Ну почему не на один день раньше? Почему именно после того, как я с ней переспал?!»

Хорошо видимое алое пятно на простынях не оставляло Элину особых надежд на то, что ничего не было.

Новая жизнь помимо облегчения пока приносила сплошную головную боль. Нет, Элин был рад успешному переносу сознания в прошлое, но человеческая суть такова, что всегда хочется большего. Вот и он сейчас раздумывал над тем, как было бы хорошо, перенеси его гримуар на день раньше, и как теперь выпутываться из того, во что молодой он уже успел вляпаться.

А сопротивляться жгучему желанию спуститься вниз и найти родителей тем временем становилось всё сложнее. Держаться удавалось лишь за счёт того, что Элин знал: полноценно увидеться можно будет лишь за столом, так как отец сейчас наверняка куёт очередной клинок, покуда ему на уши не присели подчинённые, а мать хлопочет где-то на общей кухне, делясь опытом с девицами клана. Нойры никогда не жили так, как все остальные кланы, предпочитая делать что-то и своими руками, включая работу по дому.

«И всё-таки ощущения... двоякие».

Твёрдо встав на ноги, Элин попытался изобразить что-то хотя бы удалённо похожее на правильную разминку, но нынешнее тело не шло ни в какое сравнение с таковым у пусть восьмидесятилетнего, но — анимуса-абсолюта.

— Эли, ты что делаешь?

Резко обернувшись, парень оценил открывшуюся перед ним картину — и ярость, вызванная событиями более

чем шестидесятилетней давности, стихла. Говорят, что у обиды нет срока годности, но сейчас Элин смотрел на Александрию, отчётливо понимая: даже маленький камешек, брошенный в нужное время в нужном месте, может вызвать лавину.

Да, Александрия уже спустя год после заключения союза показала, что её любовь была направлена лишь на положение и деньги клана, а не на Элина. Но если говорить объективно, было ли у наследника Нойров хоть что-то, что могло бы понравиться молодой девушке? Неплохая внешность? Это добро часто встречалось. Харизма? Да-да, у подростка-то. Трудолюбие? Элин даже в молодости мог просидеть над своими поделками из рун день и ночь, но данное занятие никогда не считалось почётным. С тренировками тела на поприще воина у него не заладилось изначально, а таланты анимуса, со слов проверяющих академии, у Элина Нойр отсутствовали. Вот и получается, что кроме положения он ничем таким не выделялся. Правда, поначалу, именно поначалу, в первые два-три месяца Александрия его действительно любила. Любовь ведь зла, полюбишь и Нойра. А после...

В Китеже царили строгие нравы, и девушка, объявившая о вступлении в отношения с мужчиной, не могла просто махнуть хвостом и без последствий его бросить, отыскав себе нового спутника. Вернее, бросить-то могла, но её потом просто никто не принял бы. Древнее, как сам мир, суеверие, от которого в прочих городах давным-давно избавились, на родине Элина цвело и пахло.

Жить со сломленным, находящим утешение в рунах книголюбом, должно быть, то ещё удовольствие. Вот и наслаждалась та Лекси тем, что у неё осталось: деньгами и властью.

— Разминаюсь, любовь моя. Проснулся — и решил, что в этой жизни нужно что-то решительно менять.

Элин подмигнул девушке и тем самым вогнал её в кратковременный ступор, которым тут же и воспользоваться. Молодое тело давало о себе знать, и раз уж он уже наделал делов, то нынешнему Элину оставалось только наслаждаться последствиями.

Глава 2

Из комнаты любовники вышли лишь через час с небольшим — раззадоренные, полные энергии и довольные друг другом. Элин, хорошо помня этот отрезок своей жизни, уже был облачён в умеренно строгую форму кандидата в анимусы: рубаша со стоящим колом воротником, лёгкий, идеально подогнанный пиджак оттенка грозового неба, свободные штаны и минималистичные сапоги с довольно высоким загнутым голенищем. Помимо формы Элин не постеснялся дополнить образ аксессуарами, как чисто декоративными, вроде серебряных запонок на рубашке, так и функциональными, вроде скрытого под рукавом браслета-хранилища.

А на голове парня, как обычно, царил хаос. Даже проживи он ещё сотню лет, ничего не поменялось бы, ведь ко своим умеренно коротким волосам он относился абсолютно наплевательски. Алексия успела лишь пару раз взмахнуть расчёской, после чего ранее анимус, а сейчас всего лишь кандидат на это звание, вырвался и предпринял попытку к бегству.

— Нельзя так не любить расчёсываться!

— У меня длинные волосы? Нет. Спутанные? Тоже нет. — Элин, спускаясь по лестнице и придерживая девушку за локоток, как того требовал этикет, принялся загибать пальцы свободной руки. — Я ценитель моды? И снова нет.

— Но ты выглядишь неаккуратно, и мне это неприятно.

— Тогда я сегодня же закажу для тебя мантию. — Алексия вопрошающе посмотрела на юношу, и тот поспешил добавить: — Мне ведь тоже неприятно, когда на тебя пялятся другие мужчины. К слову, мои волосы — это несомненный плюс. С бардаком на голове на меня с меньшим шансом обратят внимание конкурентки. Здорово ведь, согласись.

Получив маленьким кулачком по рёбрам, Элин твёрдо решил не затягивать с началом серьёзных тренировок. Слишком неприятно ему было осознавать собственные слабость и незащищённость, которые не мог компенсировать опыт анимуса абсолютного ранга. На некоторые фокусы

он, конечно, был способен, но они при любом раскладе останутся лишь фокусами.

Тем временем пара приблизилась к столовой довольно скромных размеров, что были продиктованы особенностями жизни клана Нойр, и Алексея, которую, между прочим, Элин родителям в роли своей женщины ещё не представлял, начала нервничать. Как минимум потому, что этой прекрасной ночью в его комнату они забирались через окно.

— Всё будет в порядке, не волнуйся.

— Я и не волнуюсь.

«Да-да, как скажешь», — подумал парень, отчётливо ощущая бьющую Алексею дрожь. Такое подделать было невозможно.

Первым войдя в комнату, Элин подметил отсутствие отца, и, несмотря на всю решимость быстро разобраться с этим делом, замер, стоило только его взгляду остановиться на хлопочущей над столом женской фигуре. Дыхание опытного анимуса спёрло от нахлынувшего счастья, а из глаз лишь за счёт чудовищной выдержки не полились слёзы. Настоящая, тёплая и живая мама, которой он лишился шестьдесят лет назад. Лишился вместе со всей семьёй и со всеми друзьями, а сегодня благодаря гримуару вернул их всех... или вернулся к ним, что к реальности куда ближе.

— Мама... — Дождавшись, пока следующая за ним по пятам девушка остановится по правую руку, а ничуть не удивлённый, прищуренный и самую малость хитрый взгляд женщины переместится с сына на Алексею, Элин продолжил: — Сомневаюсь, что вас надо представлять друг другу, но сообщить о своём выборе я обязан. Алексия — моя спутница. Я искренне прошу твоего одобрения, мама.

Несмотря на то что большую часть жизни Элин прожил вне своего родного города, традиции Китежа он помнил наизусть. Здесь не было института брака, контролируемого правительством, ведь и правительства не было тоже. Власть делилась между всеми кланами, на добровольной

основе соблюдающими законы, которые эти же кланы и создали. Конечно, великие кланы имели намного больший вес в сравнении с малыми, такими, как Нойр, но важен сам факт: в Китеже не было никого, чьё одобрение было необходимо всем и каждому.

В связи с этим пары, живущие вместе, получали статус спутников, а по прошествии времени, когда вести об их союзе распространялись по городу, могли обратиться к великим кланам, дабы те подтвердили законность их союза, основываясь на своих внутренних записях. Так, не допускался союз между близкими родственниками; женщина из великого клана ни при каких обстоятельствах не могла уйти в семью торговцев, ремесленников, воинов и прочих представителей низших сословий, а мужчина из низших — войти в великий клан; пресекались также союзы древних стариков с молодыми девушками; существовало ещё множество условий, но главное уже было сказано: Элин признал Алексию своей спутницей, о чём сейчас сообщил родительнице.

На этот непростой шаг его подтолкнуло знание будущего, в котором, реши он пустить всё на самотёк, его не ждало бы ничего хорошего. Слава бесполезного гуляки — рунного мастера, несчастливый союз, неодобрение, выказываемое кланом, и, как вишенка на торте боли и отчаяния, падение Китежа.

Переживать это ещё раз Элин не хотел и, будучи человеком опытным и ментально немолодым, вполне мог изменить свою судьбу. Действительно изменить, а не бегать с выпученными глазами, крича о том, как ему повезло, не пускаться во все тяжкие, бегая за каждой юбкой, и не тешить своё самолюбие победами над гениями поколения.

Он уже давно не искал чужого одобрения, как не пытался и выдумать мотивы для тех своих поступков, которые претворились в жизнь лишь потому, что ему так захотелось. Вот и сейчас он решил, что нынешняя Алексия — прекрасная, искренне его любящая девушка, которой по статусу не положено погружаться в хитросплетение межродовых интриг. Ей можно было доверить спину, не

опасаясь предательства, ведь, несмотря на свой испортившийся в будущем-прошлом характер, она была крайне честным человеком.

А ещё союз с ней — это превентивное возведение защиты от охотниц на потенциально сильных анимусов, коим Элин планировал стать уже в ближайшем будущем. Это только в первое время вьющиеся вокруг тебя девушки кажутся даром небес. Пройдёт месяц — и любой мужчина взвоет от бессилия, ведь скрыться ему негде, а выбрать одну девушку — значит оскорбить остальных. Меняя же спутниц как перчатки, ты рискуешь в один прекрасный момент пересечься с дальней родственницей, скажем, старейшины какого-нибудь великого клана, который не преминет воспользоваться своим положением и настоятельно порекомендовать тебе более не безобразничать и наконец-то остепениться. В этом мире стоило избегать лишних конфликтов лишь с двумя категориями людей: власть имущими и теми, что уверяют тебя в своей чистой, бескорыстной любви.

— Я ещё два года назад говорила тебе, сынок, что с Алексией вы образуете прекрасную пару. — Теперь Элин окончательно уверился в том, что и Дорш, и Иннес разве что свечку не держали, когда пьяные подростки пытались попасть в дом через окно на втором этаже. И оттого ему почему-то было стыдно. — Я благословляю вас, дети мои. К слову, сегодня вечером на ужине будут присутствовать твои, Лекси, родители, так что...

Элин вздохнул и, подняв руку, прервал маму на полуслове, дополнительный вес этому придало размеренное сияние анимы, кружащейся вокруг ладони.

— Я всё равно поступлю в академию, мама, что бы о том ни говорили достопочтенные наставники, которые не видят дальше своего собственного носа.

У него действительно были все основания так думать, потому что нет таланта — это нет таланта. Бесталанный может порваться на лоскуты, но анимой управлять так и не научится. Элин же освоил это искусство, едва прибыв в Авалон, что прямо указывало на некомпетентность

ублюдка, из-за которого пошла под откос жизнь наследника Нойр.

С громким звоном раскололись обе тарелки, которые Иннес выронила из рук, а Алексия, заворожённо глядя на бледно-зелёную аниму, издала не то поражённый вздох, не то всхлип. Как и все остальные, она была уверена в том, что её друг детства, а теперь и её мужчина, к анимусам имеет такое же отношение, как и молоток к изобразительному искусству.

— Что слу... О-о-о-о!

Вломившийся в столовую отец, на ходу пытающийся стянуть с рук плотные кожаные перчатки, в которых он работал над своими мечами, едва не повалил на пол постамент с бюстом видного деятеля прошлого.

— Видно, стресс от слов проверяющего был столь силен, что во мне открылись невиданные ранее таланты. Но, отец, я бы очень хотел, чтобы того, кто едва не порушил мне жизнь, как следует наказали.

— Элин! Пожалуйста, скажи мне, что это не какой-то трюк!

Алексия, находясь к Элину ближе всех, принялась ощупывать его руку и даже закатала рукава, но не обнаружила и намёка на присутствие пластин с рунами. Дорш, единственный в комнате, сохранивший хоть какое-то подобие достоинства аристократа, привлёк разрывающуюся от счастья Иннес к себе и внимательно, даже чуточку холодно посмотрел на сына, который будто бы прочитал его мысли:

— Нет, отец. Я не прятал свои навыки... специально, по крайней мере.

— Тогда сегодня воистину великий день. Ты мало того что выбрал себе прекрасную спутницу, но и оправдал надежды клана. — Под одобрительным взглядом Дорша девушка запунцовела. — Третий подряд глава без способностей... Я сильно сомневался, что при таком раскладе старейшины позволили бы тебе возглавить Нойр.

Элин хмыкнул. Старейшины, в число которых входил и брат отца, вряд ли будут рады его кандидатуре на пост главы, даже если он к двадцати достигнет золотого

ранга, что в Китеже считалось значимым достижением. В той, прошлой жизни он достиг алмазной ступени к сорока годам, а абсолютом стал в пятьдесят четыре. И это очень быстрый прогресс, на который способны считанные единицы анимусов.

— Отец. — Парень глубоко поклонился, скрыв тем самым улыбку. — Алексия — моя спутница. Я искренне прошу твоего одобрения.

— Моё одобрение всегда с тобой, Элин, что бы ты ни делал и что бы ни выбрал.

Честность и прямота отца вызвали у Элина приступ ностальгии, но он умело запер чувства, всё ещё считая, что открытое их проявление — не то, что может себе позволить человек, чьим именем под конец жизни пугали детей. Хладнокровный убийца, тёмный абсолют, которому был закрыт въезд в большинство городов, ведь никто не любит безумцев, а в погоне за своей мечтой Элин стал именно безумцем.

— Мама, отец. Я, с вашего позволения, пойду.

— А завтрак? — Иннес, уже вернувшаяся к сервировке стола, указала на накрытый большой крышкой поднос. Видно, там было приготовлено что-то действительно вкусное.

— Время. — Элин грустно улыбнулся, скользнув взглядом к окну. Тот час, проведённый в постели с Алексией, как раз и был отведён на завтрак. — Сегодня последний урок у Вилчара, а он ждать не любит.

В конце концов, Элину пока не было и пятнадцати, ещё целых два месяца оставалось до того дня, когда он официально станет независимым. Третий по счёту (а проводилось празднование в честь рождения ребёнка лишь каждые пять лет по той простой причине, что ещё не так давно многие просто не доживали до пяти, десяти или пятнадцати лет) праздник должен был стать воистину масштабным событием. И в этой жизни абсолют рассчитывал провести его как положено, а не сбежать, будучи доведённым до ручки насмешками со стороны более успешных детей клана.

— Беги. — Иннес улыбнулась. — Я оставлю завтрак на столе, если вдруг ты вернёшься до обеда. Лекси, солнце, что тебе положить?

Элин втянул носом соблазнительные запахи отнюдь не лёгких блюд и, давась слюной, быстрым шагом вышел в коридор, а после и на улицу.

Сейчас, глядя на такие милые его сердцу виды района клана Нойр, он как никогда ясно понимал, что в этот раз всё должно пойти иначе. Больше нет необходимости кому-то мстить, нет смысла коверкать душу, осваивая самые страшные техники ради обретения всё большей и большей силы. Тёмные эмоции больше не утянут его в пучину, ведь теперь у него есть якорь в виде семьи и, как надеялся сам Элин, девушки, которую он вскоре по-настоящему полюбит. Стерпится-слюбится — не просто присказка, а суровая правда жизни, которую аристократы или принимают как данность, или, в большинстве случаев, остаются несчастными на всю жизнь. Не всем везёт так, как Элину, которому родители буквально позволили самому найти себе пару.

Вскоре анимус покинул принадлежащие клану территории, выйдя на так называемые общие земли. Здесь стояли жилые дома и магазины сохраняющих нейтралитет горожан, а также школы, полигоны и академия, принадлежащие не кому-то одному, а сразу всем благородным кланам Китежа. Всё это задумывалось лишь для того, чтобы свести конфликты между аристократами к минимуму, но в последние годы это выходило из рук вон плохо...

— Эл! Э-эл! — Парень обернулся, сразу отыскав источник звука в лице свесившейся с крыши взлохмаченной головы. — Чего как неродной? Айда через крыши! Иначе не успеем!

Элину оставалось лишь недовольно цокнуть языком да посмотреть на солнце, силясь определить, насколько слова Мика, одного из немногих его друзей, близки к правде. Сумасбродный и бесшабашный по своей натуре, Мик не мог ни дня прожить без того, чтобы не найти неприятности на свою задницу. И чем старше он становился, тем больший калибр приобретали эти самые неприятности.

Даже сегодня, в тот день, когда школьный наставник Вилчар должен был провести последний, совмещённый с экскурсией урок, Мик решил выделиться. Вместо строгой одежды, в которой требовалось прийти, он облачился в какое-то подобие охотничьего комбинезона, видимо, один из тех, что его семья производила для охотников. Для Элина такая одежда старого друга стала открытием, так как в прошлом он этот день благополучно пропустил, не желая ничего слышать об анимусах и до вечера развлекаясь с Алексией.

Тяжело вздохнув, Элин засучил рукава и ловко вскарабкался на крышу под недовольные выкрики бородача, чей магазинчик послужил своеобразной лестницей. Не в первый раз он использовал верхние уровни Китежа для быстрого перемещения из одной точки в другую, благо плотная застройка и крепость домов, которые возводили с расчётом на вероятность близкого боя, сильно это дело облегчали без всякого риска кому-то навредить.

Тем временем Элин нагнал друга и, поравнявшись с ним, бросил:

— Решил напоследок схлопотать выговор?

— Скорее добавить красок в скучную прощальную вечеринку.

— Как бы после тебе не добавили красок на задницу.

Самый доходчивый способ объяснить что-либо второму сыну Гавюэров, найденный его семьёй, — это хорошо помахать ремнём. И плевать, что он уже взрослый детина: болит-то у всех одинаково.

Отшутившись, Элин устремил свой взгляд вперёд, туда, где возвышалась многоэтажная махина академии, в сравнении с остальными домами кажущаяся величественным, непоколебимым замком. Место, ставшее сердцем Китежа. Место, из которого выходят анимусы — стражи города, те, кто задаёт вектор развития и обеспечивает наибольший вклад в его рост. Единственное учебное заведение во всём городе, где для поступления требуются лишь талант и готовность учиться — всё остальное предоставит академия. Величайшие анимусы в качестве наставников, частные

учителя по отдельным дисциплинам, стипендия, позволяющая не беспокоиться о пище и крове, — это и многое другое обеспечивало Китежу приток кадров.

Но путь друзей лежал в несколько ином направлении: к школе, откуда должна была отправиться группа учащихся. И, к счастью для всех участвующих в этом действе, Вилчар, несмотря на всю свою страстную любовь к закрытым помещениям, группу собирал на улице, прямо перед входом в школу. До её отправления действительно оставались считанные минуты, после назначенного срока принципиальный учитель просто отправил бы опоздавших домой, сославшись на правила. И ему было бы решительно плевать, каким влиянием обладают родители этих детей.

— Элин Нойр, Миктон Гавюэр... — Лысый мужичок в бесформенном балахоне прищурился, переводя взгляд с одного новоприбывшего на другого. — Занимайте свои места. Если вам интересно, ещё чуть-чуть, и я бы не успел внести вас в список.

— Да, господин Вилчар. — Мик коротко поклонился наставнику и, крепко ухватив Элина за плечо, потянул того в конец строя, как можно дальше от въедливого учителя. Практически сразу после этого строй тронулся с места, и друзья получили возможность переброситься парой слов без лишних ушей. — Ну как?!

— Что — как?

— Не издевайся! — От нетерпения Мик разве что не подпрыгивал на месте. — Да или нет?!

— Если ты про дар, то — нет. У меня его не нашли, но... — Элин точно так же, как и дома, продемонстрировал ладонь, источающую аниму, — я его как-то освоил.

— Да какой да... Чего?! — Точно так же, как это сделала Алексия, Мик ощупал запястье Элина, удостоверившись в том, что тот над ним не смеётся. — Ты обманул проверяющего?!

Очевидно, Мик был в курсе результатов проверки, но о дальнейших событиях знать был не должен. В конце концов, Элин даже себя-подростка считал достаточно умным для того, чтобы не посвящать в подробности своей

личной жизни всех подряд, даже если один из этих всех был лучшим другом.

— Нет. Просто вчера я был настолько не в себе, что к утру в голове что-то перемкнуло, и я смог сделать это, хоть раньше и не выходило.

— К утру, говоришь? А ведь мне понадобилось два месяца для того, чтобы просто почувствовать аниму, и ещё четыре — чтобы выпускать. — Элин понимал, что его слова для знающего человека были сродни бреду, но эта капля прикрас вскоре затеряется на фоне всего того, что он планировал сделать. — Ты или один из гениев поколения, или сейчас бессовестно мне врешь.

— Заметь, я тебя за язык не тянул.

Выплеснуться праведному гневу Мика оказалось не суждено: не только их группа успела добраться до довольно близко расположенной академии, но и подошла их очередь проходить проверку.

— Элин Нойр, руку.

Элин послушно протянул ладонь, позволив стражнику приложить к ней плоский квадрат амулета. Металл вспыхнул бледно-зелёным, после чего аналогичную процедуру провели и с Миком, пропустив подростков во двор.

Элин прошёл чуть дальше и, развернувшись, принялся с интересом наблюдать за процессом идентификации гостей. Но, к его огромному сожалению, всё базировалось на максимально простых принципах, а именно: сверке аур гостей с заранее внесёнными в амулет слепками. С ходу так никого на территорию академии не провести, но вот для заранее планируемых экскурсий способ был идеален: простой и дешёвый, он не требовал привлечения сколь-нибудь значимых ресурсов.

— Знаешь, Эл, если ты мне сейчас заявишь, что ты и пробуждение тела вывел на медный уровень, то я даже говорить ничего не буду, просто уйду работать в поля, где мне будет самое место.

В ответ на столь рискованное заявление Элин лишь покачал головой: он никогда и не задумывался над тем, чтобы расплыться сразу на два направления, пытаюсь стать

и воином, и анимусом одновременно. Оба пути требовали времени и усилий, отчего значительных успехов можно было достигнуть, лишь сосредоточившись на чём-то одном.

— Нет, друг мой. Пробуждением тела я не занимался, да и вряд ли когда-то буду. Сосредоточусь на одном. Что и тебе советую, кстати.

Причудливая архитектура сильно выделялась на фоне осевших в памяти Элина образов. Академия Китежа действительно была уникальна, и сейчас у него появилась отличная возможность как следует всё здесь изучить.

— Тебе разве не хочется уметь хоть как-то себя защитить? Мы ещё не анимусы, и даже став ими, техники сразу не выучим. Да и ты сам должен знать, как может случиться. — Мик неспешно подошёл к одному из монументов. — Мой отец тоже хотел стать анимусом, и даже талант был, но дальше бронзового ранга не поднялся. Зато в качестве воина достиг высшей ступени и теперь практически не уступает золотым анимусам!

— Но и сильнее золота воину никогда не стать. Я понимаю, что ты испытываешь, но оставь это. — Элин как-то даже слишком серьёзно посмотрел на друга. — Когда и если упрёшься в свой предел, тогда и только тогда это будет оправданно. Но не сейчас, когда перед тобой открыто множество дверей.

Выдав мысль, не слишком коррелирующую с его физическим возрастом, Элин проводил взглядом нескольких пацанов, что пытались забраться на статую демонического зверя, принадлежавшего основателю Китежа, абсолюту и мудрецу Гайо Бельфи. Он сам ещё при жизни запретил возводить статуи по его образу, но о своём верном демоне упомянуть забыл, так что теперь десятиметровый ящер внушал своим видом трепет всякому, ступавшему на главную площадь академии.

— Не сотвори себе кумира, да?

В ответ на вопросительный взгляд друга Элин лишь махнул рукой, и, что удивительно, тот, вопреки своему упорству и говорливости, не стал задавать никаких вопросов. Лишь молча занял своё место в строю школьников,

которых Вилчар пытался организовать вот уже несколько минут. И это было очень непросто, так как кто-то любовался архитектурой, отличающейся от той, что была распространена снаружи, а кто-то уже вовсю болтал с попавшимися под руку студентами, пытаясь вызнать что-то, что может помочь в будущем. На поступление в академию были нацелены все здесь присутствующие.

— Всё, что я сейчас буду рассказывать, может встретиться вам в тесте при поступлении. Историю вы знать обязаны! — Последнюю фразу учителю пришлось произнести на повышенных тонах, ведь толпа подростков, узнав о незапланированной проверке, возмущённо зароптала. — Итак... Здание, в которое мы сейчас попадём, было возведено прежде стен, что опоясывают Китеж...

Элин, не раз и не два слышавший обо всём этом, отрешился от слов учителя, решив использовать имеющееся время с куда большей пользой. Впервые с момента пробуждения он всерьёз посмотрел на своё тело, хоть и должен был это сделать сразу же, не отвлекаясь ни на секс, ни на болтовню с Миком. Но ни один ритуал не может пройти бесследно, а уж перемещение во времени — и подавно. Хаос, что царил в его голове, лишь каким-то чудом не спровоцировал что-то безумное и неисправимое.

Сейчас дымка рассеялась, и Элин понял, что его телу, подтянутому, но слишком худощавому и нетренированному, в ближайшие годы техниками помочь было невозможно. Слишком велик риск ошибиться и изуродовать себя, ведь растущее детское тело — это та ещё медицинская катастрофа. Сегодня — одно, завтра — другое... Магия же не терпит неопределённости, и малейшие отклонения могут привести к ужасным последствиям.

Вот через пару лет, когда под действием мягких стимулирующих техник тело сформируется и достигнет пика формы, можно будет что-то сделать. Сейчас же оставались лишь физические нагрузки и адекватная поддержка техниками, которые, к слову, ещё нужно было научиться использовать, так как тело духовное пребывало в состоянии даже более печальном, чем физическое. А довериться

матушке-природе, отложив радикальные изменения до двадцати лет Элин не мог: вторжение демонических зверей само себя не остановит, да и отложить его будет очень проблематично.

— ...абсолют и мудрец Дибиано Фош настоял на том, чтобы ему ни при жизни, ни после смерти не возводили памятников. Однако он ничего не говорил о своём демоне-звере — Буфаше, Ящере Снежных Пиков. Изображающую его статую вы могли видеть у входа...

Элин замер на месте, будучи не в силах поверить в услышанное. Дибиано Фош? Не Гайо Бельфи? Неужели учитель, этот дотошный и въедливый человек, что-то перепутал?.. За все те годы, что он провёл в школе, ни разу Вилчар так не ошибался!

— Учитель, простите, что перебиваю, но вы уверены в том, что именно Дибиано Фош основал Китеж? — спросил, подняв руку и дождавшись дозволяющего кивка, Элин. — Я читал, что основателем был Гайо Бельфи со своим демоном-зверем Мефисом.

— О Дибиане Фоше знают даже дети, Элин. А вот двух абсолютов на моей памяти путают впервые... О! — Учитель махнул рукой в сторону массивной каменной плиты, испещрённой тысячами символов. — Если у тебя есть сомнения, можешь прочесть надпись вот на этой замечательной плите. И больше не прерывай меня по пустякам, будь так любезен.

Элин не стал спорить, лишь молча, под недоумевающими взглядами однокашников подошёл к плите и заскользил по письменам взглядом: «... в год четыре тысячи семьсот пятьдесят первый от Падения отец-основатель Дибиано Фош привёл сотню тысяч беженцев к озеру Ки-Геаж, вокруг которого и был возведён Китеж — оплот могущества и силы человечества...».

Немыслимо. Юноша раз за разом вчитывался в высеченные на камне строки, но в тех ничего не менялось. Не только имя основателя, но и год отличались от известных ему. Теперь уже Элин сомневался, но не в словах учителя. А что, если гримуар каким-то образом повредил его

память?.. Или перенос был выполнен не в прошлое, а в другую, параллельную реальность? Такую похожую, но такую другую.

— Итак, Ящер Ледяных Пиков... — Вилчар, увидев на лице Элина выражение горького осознания, возобновил процесс просвещения юных умов, в то время как сам подросток отошёл чуть в сторону, так, чтобы никому не мешать.

«За рабочий вариант принять иную реальность, а версию с повреждением или изменением памяти отбросить, уж слишком маловероятно подобное избирательное изменение воспоминаний. Свою жизнь я помню прекрасно, ни единого намёка на белые пятна. Итак. Иная реальность, в которой события похожи друг на друга, но не один в один. Чем это может грозить? Да всем чем угодно. Для каких-либо выводов нужно больше информации...»

А где можно добыть информацию, если не в библиотеке?..

Глава 3

Даты, имена, названия... Тренированный разум Элина впитывал сведения, словно губка, выкидывая из чертогов разума разом ставшую совершенно бесполезной и даже вредной информацию, на её место водружая новые факты. Но даже так работы предстояло очень и очень много, ведь раз так покорёжило историю, то и всё остальное тоже могло претерпеть катастрофические изменения.

История, техники, точные науки... Повторно изучать предстояло всё. Это в той реальности Элин мог с уверенностью сказать, что в силе и знаниях с ним посоперничать могли считанные единицы анимусов по всему материку, но здесь...

Кто знает, во что вылились кажущиеся небольшими отличия? Что, если анимусы здесь на порядок сильнее своих коллег в той реальности? Или, наоборот, слабее? А если они пользуются совершенно иными методами? И тогда Элин, показав что-то из ряда вон выходящее, может попасть в руки к тем, кому отпор дать не сможет в ближайшие

лет пять точно. Сейчас его легко спеленает даже серебряный воин, а в Китеже есть люди и многократно сильнее их.

Что самое смешное, Элин ещё не был анимусом, что вкупе с его возрастом лишало парня доступа в подавляющее большинство секций библиотеки. Мол, ребёнку от хранящихся там знаний вреда будет больше, чем пользы. И плевать, что дитё это — наследник клана, который вот-вот в академию поступит и которому до совершеннолетия осталось всего полшага.

Впрочем, сейчас за Элина говорили его эмоции. Умом он понимал, что зрители библиотеки целиком и полностью правы. Никто не даёт пятилетнему шкету меч, а только вылупившегося птенца не скидывает со скалы. И всё это в первую очередь ради безопасности шкета и птенца.

По этой причине Элину приходилось довольствоваться неодоухотворёнными свитками с техниками, процесс изучения которых был долог и муторен. Такую технику нельзя было воспроизвести, просто наполнив руны анимой. Требовалось превратить свой разум в пергамент и в малейших деталях, контролируя каждый элемент, воспроизвести рунную цепочку. Самое обычное дело, если ты твёрдо решил внести эту технику в свой постоянный арсенал, но всё портила одна маленькая деталь: в среднем анимус тратил на изучение техники своего ранга от недели до нескольких месяцев.

Абсолют мог изучить и адаптировать под себя медные руны (а именно они были в руках Элина) за считанные минуты, но что, если одних только вариантов светляков было под полторы сотни, а для поиска изменений и анализа общих структур ему требовалось воспроизвести каждый из них, запомнив, каким стал результат?

— Над чем задумались, молодой человек?

Элин оторвал взгляд от свитка и перевёл его на незаметно подкравшегося зрителя. Тот был немолод, но старым его назвать было сложно. Белоснежная борода и волосы соседствовали с ясными голубыми глазами, а в руках находился массивный резной посох, на который мужчина совершенно фальшиво опирался. Последней ка-

плей, заставившей Элина считать собеседника кем угодно, но не простым зрителем, стал его костюм, призванный не сковывать движений и параллельно подчёркивающий выдающуюся мускулатуру, какой обладает не всякий воин.

— Меня зовут Элин Нойр, господин. — Не зная, с кем тебя столкнула судьба, первым делом всегда нужно представляться. И желательно делать это вежливо. — Я пытаюсь найти какие-то сведения о потенциале боевых техник разных рангов, но из-за моего возраста и того факта, что анимусом я пока не являюсь, приходится довольствоваться этим, — парень обвёл взглядом общедоступные полки, вызвав тем самым на лице мужчины понимающую улыбку.

— Меня зовут Гайо Бельфи, Элин. Вежливость вкупе с умением красиво и последовательно изложить свои мысли в твоём возрасте дорого стоят. Я впечатлён...

Гайо. Бельфи. Элину больших трудов стоило не уронить челюсть и не рухнуть в обморок тут же. Ведь выглядел основатель точно так же, как на немногочисленных фресках прошлой реальности, и на данное обстоятельство парень сразу не обратил внимание лишь потому, что был слишком занят расчётами.

Но что, в конце-то концов, творится в этой реальности? Чего ждать дальше? Явления народу Базальта, легендарного тёмного анимуса, в своё время стёршего с лица земли три города, ничем не уступавших Китежу или Авалону? Или нашествия миллионов разумных демонических зверей разом?

— Глядя на то, как ты мучаешься с этими свитками, я хотел бы помочь тебе. Скажем, провести в одну из закрытых секций, где ты под моим надзором сможешь ознакомиться с техниками вплоть до алмазного ранга включительно...

На какое-то время Элин лишился всякой способности не то что связно говорить, но и мыслить, а потому промолчал, собирая воедино ту кашу, в которую превратила его мозг неожиданная встреча.

— Господин Бельфи, я... Благодарен вам за предложение, но я сомневаюсь, что зрители позволят сделать что-то подобное.

— Да, в чём-то ты прав, юный Нойр. Но правила, к которым я сам приложил руку... — Тут Гайо коварно, совсем по-детски улыбнулся, а в его голубых глазах заплясали бесенята.

Невольно Элин поймал себя на мысли, что человек, которым он искренне восхищался в прошлой жизни, подозрительно напоминает ему Мика в те моменты, когда тот решался проверить нечто безумное. Этот образ слишком хорошо отпечатался в памяти переродившегося анимуса, чтобы когда-либо оказаться забытым.

— Никто и слова не скажет директору академии, если тот решит помочь заинтересовавшему его потенциальному студенту. Что конкретно тебя интересует, Элин?

— Самые разрушительные техники, нацеленные в первую очередь на убийство других анимусов, — без какой-либо задней мысли ответил Элин, с небольшим запозданием поняв, как это звучит. Но вернуть в диалог объяснение не успел, так как Гайо Бельфи обернулся через плечо и, как-то странно посмотрев на парня, спросил:

— Ты же понимаешь, что самыми разрушительными техниками ты не сможешь пользоваться ещё очень долго, верно? Если тебя кто-то обидел, то можно всегда ответить добрым словом. И только если оно не помогло, начинать бой. Но сейчас я бы посоветовал тебе начать с чего-то, что поможет укрепить тело, ведь полноценно использовать даже медные боевые техники ты сможешь лишь спустя месяцы упорных тренировок. — У забывшего, как контролировать мимику Элина задёргалось веко. — Вот, например, азы этой техники помогут раскрыть сокрытую в человеческом теле подвижность и в дальнейшем с меньшим сопротивлением обеспечить слияние с демоническим зверем соответствующего направления...

Находишь неподалёку сторонний наблюдатель, то у него явно возникли бы вопросы к тому, как отреагировал немолодой анимус на обнаруженное у ребёнка желание

кого-то прикончить. Не остановил, не попытался вразумить, а предложил то, что школьник сможет освоить уже сейчас! И более того, сунул в руки подростка самый настоящий незащищённый свиток с техникой.

— Я, должно быть, не так выразился, господин Бельфи. Я ищу сведения о потенциале атакующих техник лишь для того, чтобы сопоставить их с защитными.

— О?.. — Гайо замер со свитком в руках, после чего так же спокойно вернул его на место, будто ничего и не было. Следом анимус указал рукой на читальные столы: — Присядем? Мне интересно, чего именно ты хочешь добиться.

— Я думаю, господин Бельфи, что вы тоже задавались подобным вопросом. Представьте, что вы, находясь в воздухе, попали под удар Тюрьмы Ледяного Духа. — Элин устроился за тем же столом, за которым перелопачивал книги до этого. Гайо же занял место напротив. — Какая защитная техника будет в таком случае наиболее эффективной при стандартной напитокке рун? А при десятикратной? Стократной?

В своей реальности Элин сам дал ответ на этот вопрос, оставив в нескольких городах свои труды на соответствующую тему. Семь томов расчётов и примеров, которые он перенёс на бумагу лишь для того, чтобы внести свою лепту в становление могущества человеческой расы. Каждый абсолют должен был в своей жизни сделать что-то такое, за что потомки смогут его поблагодарить, и правило это не нарушали даже тёмные.

— Это очень интересный вопрос. Очень интересный. — Мужчина запустил свободную руку в шевелюру, второй всё ещё придерживая свой посох. — И ответа на него у меня нет. Ты сам дошёл до этой идеи?

— Да, господин Бельфи.

Как-то незаметно Элин решил, что настало время для создания репутации юного гения.

— И ты хочешь стать анимусом, верно? Действительно хочешь, без всяких скидок на богатство и власть?

— Без богатства и власти не обрести подлинной силы. Я хочу стать абсолютом, господин Бельфи, и достойным

главой своего клана. И для этого... — Элин улыбнулся. — Да, мне нужно стать анимусом.

Гайо, в свою очередь, ощерился во все тридцать два белоснежных зуба, после чего удовлетворённо кивнул:

— Твои амбиции велики, но как насчёт знаний? На черти рунную цепочку, скажем, младшего барьера подвижного типа.

Гайо коснулся большим пальцем перстня на указательном, и в его руках тут же появилось дорогостоящее перо, которому чернила для обычного письма никогда не требовались. Следом на свет явилось несколько плотных листов бумаги — тоже не самое дешёвое удовольствие. Лишь действительно богатые люди могли себе позволить вот так вручить их первому встречному пацану с наказом нарисовать довольно простую, но не простейшую технику.

— Справишься?

Вместо ответа Элин притянул к себе один лист бумаги, сдвинул в сторону книги и, приняв из рук анимуса перо, принялся за работу, намеренно снизив скорость и качество письма. Но даже так Гайо Бельфи отметил про себя, что движения сидящего перед ним мальчика больше подходят опытному мастеру рун или писарю, нежели кандидату в анимусы, готовящемуся поступить в академию, откуда выходят сплошь боевики. И данный факт был практически гарантией того, что этот божественный талант там будет попросту зарыт в землю.

Тем временем Элин нанёс последний штрих и, отложив в сторону перо, замер, жестом предложив собеседнику ознакомиться с результатами его работы. Мужчина набрал полную грудь воздуха, огладил бороду и, подтянув к себе листок, заскользил взглядом по изящным, геометрически корректным рунам, которые можно было прямо сейчас запитывать анимой и отдавать кому-то на освоение.

Бельфи улыбнулся, и Элин понял: тот более чем доволен увиденным.

— Элин Нойр, что ты думаешь насчёт того, чтобы стать моим учеником? Не вместо академии, нет, но в дополнение к ней?

Никто не позволил бы даже легенде среди легенд забрать себе наследника пусть и малого, но клана. Влияние анимусов на аристократов было строго регламентировано ради всеобщего блага и предупреждения вероятных конфликтов.

Элин покорно склонил голову. Но не столько для того, чтобы выразить уважение, сколько чтобы скрыть коварную ухмылку.

— Я буду рад этому, господин Бельфи. Но я должен вас предупредить: не далее как вчера проверяющий выявил у меня отсутствие всяких способностей...

Элин не успел даже договорить, а Гайо уже поймал его за запястье и пристально уставился на ладонь, спустя секунду хохотнув:

— Однако аниму ты высвободил не далее как сегодня. Плевать, что сказал тот кретин, которого я лично вышвырну из академии. Ты станешь сильным анимусом, Элин Нойр. И достойным главой своего рода. — Гайо запустил руку за пазуху своего одеяния, выудив оттуда матово-чёрный амулет, в центре которого находился алый драгоценный камень в форме шестилучевой звезды. Легенда его мира и здесь достиг ранга абсолюта. — Завтра в полдень я буду ждать тебя у ворот академии. Сразу регистрируем тебя в качестве моего ученика и определим в тот единственный класс, способный хоть что-то тебе дать.

— Благодарю вас, учитель. А...

— Техники мы сегодня смотреть не будем. — Гайо развёл руками, как бы извиняясь. — К сожалению, теперь мне нужно кое с чем разобраться. Слишком давно я не брал учеников... Особенно вот так.

Под «вот так», похоже, подразумевались обстоятельства и скоротечность их встречи. Никаких длительных тестов, никакой притирки — небольшой разговор и одно задание, только и всего. Сотни юных анимусов, что могли лишь мечтать об учителе-абсолюте, прознав об этом, вполне могли дружно пойти и вздёрнуться на суку. Потому что это чёртов абсурд!

— Хорошо, учитель. В таком случае я, с вашего позволения, продолжу заниматься.

— Не перетрудишься, юный Нойр. Энтузиазм — это великая сила и крепкий клинок, но всякий меч имеет свойство тупиться, если им безостановочно рубить.

— Я учту это, учитель.

Гайо Бельфи, развернувшись на месте, направился к выходу, размеренно постукивая посохом по каменным плитам, устилающим пол, а Элин, уткнувшись носом в вернувшийся на своё законное место свиток, думал над тем, как докатился до жизни такой. Ладно Алексия, принять её было его собственным решением, о котором он пока не жалел и вряд ли пожалеет в будущем. Но встреча с Гайо Бельфи, с тем, о ком он читал лишь в книгах и которого почитал как основателя своей родины, Китежа...

И словно этого было мало, Бельфи смог что-то в нём разглядеть за эти жалкие десять минут, сразу же предложив ученичество. И отказ... был возможен, но если бы об этом узнал хоть кто-то ещё, то слава придурковатого чудака стала бы самым мягким из вероятных последствий. Никто в здравом уме не откажется от наставника-абсолюта, даже если тот будет убеждённым фанатиком-копрофиллом. Просто потому, что высший ранг анимуса — это сила, власть и политический вес. Это человек-армия, хранитель человечества и тот, кто может себе позволить если не всё что угодно, то очень и очень многое.

Лишь по этой причине Элин согласился, ведь даже восхищения было недостаточно, чтобы подвергнуть угрозе свои секреты. Гайо... Он, безусловно, могущественный анимус, но и интриган из него не хуже. На душе этого беззащитного с виду старика было столько грехов, что его можно смело назначать покровителем загробного мира — того самого, куда отправляются слишком тёмные, неисправимые души. Историю пишут победители, и Гайо написал свою, исказив одни факты, сокрыв другие и выставив в нужном свете третьи.

Элин много странствовал по миру и потому смог составить истинную картину той далёкой эпохи. Тем делам,

которые проворачивал Гайо Бельфи, позавидовали бы многие Тёмные, одни лишь имена которых заставляли детей пачкать штанишки. И этот человек с сего дня будет считаться его учителем.

А впереди, между прочим, ужин, на который приглашены и родители Алексии. Конечно, от ворот поворот после произошедшего Элину никто не даст, но разговор можно превратить в нечто ужасное, даже сыпя отборными, искренними комплиментами.

Спустя несколько минут поняв, что в нынешнем состоянии запомнить что-то сверх уже выученного невозможно, а до встречи с будущей роднёй оставалось немногим больше пары часов, Элин решил немного погулять по городу, развеяться и как следует обдумать нынешнее положение дел.

При том уровне всеобщего внимания, что обеспечит статус ученика анимуса-абсолюта, скрываться будет не просто. Не будет никакого окна в полгода-год, на которое Элин рассчитывал, планируя своё развитие. Придётся всё делать на виду, из-за чего о тёмных искусствах придётся забыть...

«А нужны ли они мне, эти запретные техники?»

Элин успел выйти из библиотеки и пройти километр с небольшим, прежде чем его голову навести такая простая мысль. С покровительством учителя, анимуса-абсолюта, можно будет не беспокоиться о тех проблемах, что могли доставить его, Элина, недоброжелатели. Вне зависимости от того, какой класс выберет Гайо в качестве наиболее подходящего, соседство со всеми сливками кланов ему заказано. Иначе к чему учитель упомянул «тот единственный класс, что способен что-то тебе дать»?

Аристократия учится не в одной группе, а в нескольких. Чуть больше классов выделено для талантливых детей горожан и парочка — для сирот. Отдельно стояли специализированные факультеты, куда разбирающиеся в вопросе родители посылали своих чад под собственную ответственность. Ведь сражаться может кто угодно, а вот профессионально заниматься рунным письмом — единицы.